

F FOLIO Продано больше 150 тысяч книг!

ЛАДА ЛУЗИНА

Киевские ведьмы
Рецепт Мастера
Революция амазонок

Книга 2

Лада Лузина
Рецепт Мастера. Революция
амазонок. Книга 2
Серия «Киевские ведьмы», книга 4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4401145

Лада Лузина. Рецепт Мастера. Революция амазонок. Книга 2: Фолио;

Харьков; 2011

ISBN 978-966-03-5779-2, 978-966-03-5777-8

Аннотация

Эту книгу ждали целых три года! И вот "Рецепт Мастера" увидел свет. Первый в Украине роман-сериал выйдет в шести частях. Перед вами третья и четвертая серии – "Революция амазонок", повествующая о самых загадочных тайнах ведьмацкого Киева!

По воле судьбы три ведьмы поселились в Прошлом, где одна стала миллионершей, другая, украв стихи у Анны Ахматовой, – известной поэтессой и пилоткой Изидой Киевской, а третья ушла в монастырь под именем Отрока Пустынского.

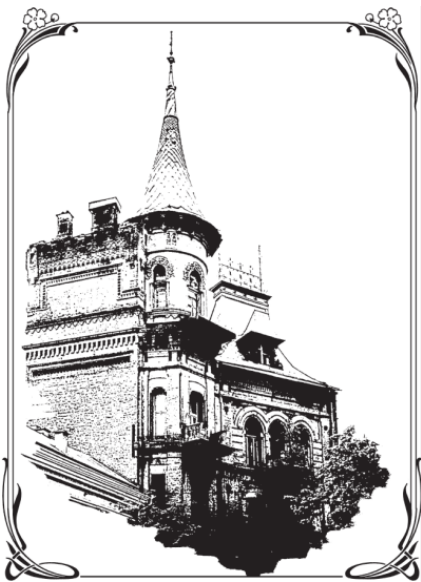
Теперь, чтоб сохранить свое благосостояние, им нужно отменить Октябрьскую революцию. Для этого они похищают царскую семью. Но каковы будут последствия этой Отмены?

И кто устроил революцию на самом деле?

Содержание

Глава семнадцатая,	6
Глава восемнадцатая,	28
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Лада Лузина
Рецепт Мастера
Революция амазонок
Книга 2

Башня Киевиц на Ярославовом Валу, 1

Три молодые женщины-киевлянки случайно приняли от умирающей ведьмы Кылыны ее дар. Как они распорядятся им, ведь они такие разные – бизнес-леди Катерина Дображанская, певица Даша Чуб и студентка исторического факультета Маша Ковалева.

По воле судьбы они оказались в Прошлом, где Катя стала миллионершей, Даша, украв стихи у Анны Ахматовой, – известной поэтессой и пилоткой Изидой Киевской, а Маша ушла в монастырь под именем Отрока Пустынского.

Теперь, чтоб сохранить свое благосостояние, с помощью дочери Кылыны Акнир им нужно отменить октябрьскую революцию. Для этого они похищают царскую семью...

Но каковы будут последствия этой Отмены?

И кто устроил революцию на самом деле?¹

¹ Начало истории читайте в книгах «Киевские ведьмы. Выстрел в Оперу». «К.В. Рецепт Мастера. Спасти императора».

Глава семнадцатая, в которой Даша встречает массу поклонников

От Царской площади Даша и молниеносно обнажившаяся Акнир гордо промаршировали в компании голых мужчин, дам и девиц – точнее граждан и гражданок – вверх по Трехсвятительской – точнее, теперь уже улице Жертв Революции.

Причем по дороге одна из гражданочек успела растолковать вновь прибывшим первичные тезисы «практического осуществления наготы в современном обществе». Точнее, попытаться сделать это, поскольку озвучивавшая «нагие» постулаты остролицая лекторша с рано состарившейся кожей и увядшею грудью явно чувствовала себя обнаженной куда более нервозно и скованно, чем ее аудитория – размахивавшая трусами в клубничку и мигом выказавшая самые прогрессивные взгляды:

– О чем разговор? Нагота – естественное состояние человека и женщины. А раз естественное, ничего постыдного в ней быть не может! Такими нас создала Мать-природа, а она говна не сделает... верно? А одежда – вообще социальное рабство. А мы не рабы, рабы – не мы. Правда, малая? Я тебя уважаю. Ты – молоток! – похлопала Чуб Акнир по спине.

Судя по тому, как легко, без пьяного Дашиного вызова,

потомственная ведьма несла свою маленькую острую грудь, – посетительница ведьмацких шабашей была единственной в толпе голышей, на самом деле ощущавшей себя нагой точно так же естественно, как и в одежде.

Остальные товарищи с появлением Чуб порядком растеряли революционный настрой. Полное, но гладкое, крепко сбитое, колышущееся и бравурное тело пилотессы-поэтессы, ее дородный бюст и широкие бедра вызывали у обнажившихся граждан и гражданок диаметрально противоположные, но совершенно не братские чувства. Во взглядах мужчин появилось что-то осоловело-блудливое, как у котов, почуявших валериану. Девицы и дамы разом поскучнели и словно подурнели, ощущая, что их храбрый демарш сразу обесценился с появлением новенькой.

– Люди, люди! – вырвалась Даша в авангард марширующих. – Чего вы стоите? – принялась зазывно размахивать руками она. – Раздевайтесь, раскрепощайтесь... Присоединяйтесь к нам! Давайте сольемся в экстазе!

Люди на Михайловской площади, и без того впечатленные появлением демонстрации голых, одновременно застыли. Парни в очках и рубашках с ремнями, дебелие солдаты в застиранных гимнастерках без погон, мужчины в кожанках. На их лицах прописались желание и страх. Не то чтобы им вдруг захотелось раздеться, а вот слиться в экстазе с голой нимфой или – кто ее знает? – нимфоманкой хотелось несомненно!

– Долой рабство одежды! – неистовствовала пьяная Землепотрясная. – Будем такими, какие мы есть! Любите себя настоящими! Давайте просто любить друг друга почаще...

И неизвестно, чем бы закончилось все это, но тут обиженно поджимавшая губы серолицая лекторица запела:

*Весь мир насилья мы разрушим
До основанья, а затем
Мы наш, мы новый мир построим, —
Кто был ничем, тот станет всем.
стр1
Смело, товарищи, в ногу —*

бодро подхватили остальные гражданочки, с явственным удовольствием забывая громким хоровым пением Дашины жаркие призывы, а юная ведьма быстро цапнула напарницу за руку и потащила ее в ближайшую подворотню.

Они пробежали двор, где сушилось белье, и вильнули направо – в кирпичный тупик.

– Че такое? Че вдруг случилось? – растерянно спросила Чуб.

– Ничего. Одевайся быстрее. – Под мышкой у Акнир в холщовой сумке обнаружили две наспех скомканные рысы. – Щелкну нас домой...

– На фига? – еще не выветрившийся из Даши Чуб алкоголь с ходу восстал против маршрута «домой». – Здесь так прикольно! Давай еще потусуемся. Иначе зачем ты нас сюда

затащила?

– Затем, что это единственный период истории, где твой голый зад был уместен. Если не считать, конечно, эпохи неандертальцев... О'кей.

Надорвав зубами рясу, Акнир разорвала ее пополам. Нижнюю часть – переквалифицировала в юбку, надела и завязала узлом на боку. Затем воровато огляделась, рванула к бельевой веревке и сорвала с нее две влажных мужских рубахи.

– Держи, – всучила она Даше ее долю награбленного. – Монашеская ряса уместна во многих годах, но точно не в 1919...

– Но если мы в 19-м, зачем опять одеваться? Зачем ты вообще меня утащила? Ты хоть въезжаешь, что первый раз со времен амазонок мы, женщины, и все прочие люди решили избавиться от комплексов? И разделись... А после снова оделись – нас снова подломали, закомплексовали, опять вбили в головы всякие мании, фобии... Момент был упущен. А я могла б всех раздеть. Насовсем. Ты видела, как они все меня слушались? Как смотрели! Еще бы чуть-чуть, и я б совершила тут свою революцию. Голую!

– Да, только твоей революции тут и не хватало, – пробурчала Акнир. – Ладно, если хочешь, давай прошвырнемся.

* * *

На Михайловской и Софиевской площади их встретил но-

вый мир – частично разрушенный, частично уже отстроенный заново, точнее сколоченный наскоро из разнообразных подручных материалов.

По левую руку бронзового Богдана Хмельницкого торчал высокий деревянный столб – обелиск, поставленный в честь октябрьской революции. Древний Михайловский монастырь покуда стоял на месте, но возвышавшийся перед ним на трех пьедесталах памятник княгине Ольге, Андрею Первозванному и Кириллу с Мефодием – претерпел дивные изменения. В 1911 его еще не открыли – нынче успели прикрыть. Стоявшие по бокам Апостол Андрей и просветители Кирилл с Мефодием – были защиты фанерой, а монументальная княгиня пропала. Вместо нее на центральном пьедестале скромно стоял маленький бюстик Тараса Шевченко.

– Разве Шевченко и у большевиков был герой? – удивилась Даша.

– Борец с царским режимом.

– Как и у патриотов?

– У них он борец с царским режимом за независимость Украины. Хотя полгода назад красная власть убивала за один украинский язык. Но Ленин решил, что Тарас и язык – те самые бусы, на которые легко купить наших патриотов. И не прогадал, сволота...

– Бедный Шевченко, – посочувствовала классику Даша. – Вот и будь после этого знаменитой. Каждый тебя имеет, как хочет. Вечно Тарасом все дыры затыкают.

Спустившись обратно по улице Жертв Революции на Царскую площадь, ставшую площадью Интернационала, Чуб скептически посмотрела на еще один памятник, поместившийся в центре клумбы, рядом с трамвайной остановкой в стиле Модерн. Возвышающаяся на пьедестале из фанерных листов уродливая гипсовая статуя женщины с ружьем в руках была явной альтернативой пропавшей без вести первой христианки Руси.

Памятник царю Александру II перед Царским садом тоже исчез, на его пьедестале поместился рекламный щит «Сад Первого мая»

Судя по количеству переименований и натыканных по Городу новых монументов, явившаяся в Киев всего несколько месяцев назад новая власть намеревалась обосноваться здесь всерьез и надолго. Но намерения их были пока из фанеры и гипса.

На перекрещенной Думской – Советской площади у входа в Городскую Думу обнаружился новый шедевр – черный бюст Маркса на двух кубах. Одну руку Карл сунул за борт пиджака, другой почему-то не было вовсе. Вместо архангела Михаила шпиль думской башни украсила пятиконечная звезда.

По Крещатику (вопреки всем ветрам перемен оставшимся просто Крещатиком!) ехал оптимистичный агиттрамвай с развевающимися кумачовыми флагами.

Прямо на площади шло площадное действие – посреди

оцепленных плотной толпой зевак деревянных подмостков стояла точно сошедшая с революционного плаката гражданка в мешковатой блузе и красной косынке. От ее рук и ног в разные стороны шли неестественно огромные, выкрашенные в черный цвет бутафорские цепи – каждое звено с полметра длиной. Цепи держали четверо мужчин в костюмах «душителей людей» – поп в длинной рясе, буржуй в котелке и пиджаке с жилетом, генерал с золотыми мочалками вместо погон и некто в короне – видимо, сам батюшка-царь. За сценой играла трагическая музыка. Гражданка в красной косынке энергично и безуспешно вырывалась из цепей (причем, похоже, больше всего усилий артистка прилагала, чтоб не разорвать картонные путы)

Агитпредставление

«Освобождение женщины» —

прочла Даша название действия на круглой афишной тумбе, неподалеку от Маркса. Тумба была облеплена афишами с множеством тоже агит – игровых кинофильмов. И когда только успели отснять? «Вставай, проклятьем заклеименный!», «Да здравствует красная армия!», «Красный кобзарь».

Внезапно музыка стала жизнеутверждающей, публика на Советской площади вскрикнула от восхищения – подпрыгнув, гражданка сделала сальто-мортале, с легкостью разорвала оковы и принялась отплясывать, демонстрируя радости свободной женской жизни. Откуда ни возьмись на сцену вы-

шли другие краснокосыночницы с алыми флагами.

Им вторили такие же красные косынки Крещатицких девиц – завязанные не под подбородком, а на затылке, что тоже символизировало не подчиненный, а новый статус освобожденной женщины.

Одна из таких красномакушениц немедленно сунула замотавшейся на представление Даше в руке две листовки «Как вести себя беременной женщине» и «Право женщины на аборт».

– А вот это вы правильно! – оживилась Даша. – Я давно говорила, во всех интервью... Что это за тоталитарный режим? Случайно залетела, и все – рожай или сдохни! Мало того, они ж нас за аборт еще и сажали в тюрьму... Как преступниц. Хорошо хоть потом этот дурацкий закон отменили, иначе бы я...

– Вы совершенно правы, – краснокосынщица круглоглазо посмотрела на Дашу. Страшно молодая и столь же страшно серьезная, она представляла резкий контраст со своим спутником – белозубым улыбочатым парнем в рубаше с армейским ремнем. – Вы совершенно правы, товарищ...

– Даша, – подсказала Даша.

– Вы, товарищ Даша, прямо как товарищ Коллонтай говорите.

– А кто такой Коллонтай?

– Вы не знаете? – растерялась девушка и машинально перевела взгляд на афишную тумбу.

ТРЕТЬЕ ГОСКИНО

«Мир хижинам – война дворцам» —

зачла Даша. И заметила рядом:

13 июля 1919 г. в Киевском цирке

Женский концерт-митинг с участием тов.

Коллонтай

– Коллонтай – артист? – догадалась Чуб. – Цирковой?

– Товарищ Коллонтай, – вздрогнула девушка, – нарком пропаганды Украины.

Спутник краснокосынницы весело прыснул:

Постановила Шура Коллонтай:

Пусть рождают также и мужчины.

Хочешь не хочешь – лопни, а рожай!

Или уважительные предъяви причины!

– Как ты можешь, Копытин, – взвилась девушка. – Это контрреволюционные стихи!

– Серьезно? – рожаящие мужчины увлекли Дашу даже больше кодекса беременных женщин и их права на аборт. – Пошли послушаем, – предложила она Акнир, тыкая пальцем в афишу. – Это тут рядом, в цирке...

– Как хочешь, – сказала Акнир, став вдруг похожей на кошку в ожидании мыши.

Или неотвратимой беды.

Одним из главных украшений устремленной к Катиному дому Николаевской улицы, прозванной за красоту и изыск Киевским Парижем, был двухэтажный полукруг цирка в стиле Модерн. Теперь улица звалась Городецкого в честь архитектора Катиного дома и мало походила на Париж... Вместо разрушенного в 1941 женственного полукруга цирка стоял уродливый прямоугольник коробки кинотеатра «Украина».

Да и вообще, пройдясь по Верхнему Городу, Катерина отметила отсутствие множества современных зданий. Не было так приглянувшегося ей дома с выющимися по фасаду лепными розами на Садовой, 13. Не было многих... Киев перестал быть градом-модерн. И лишь сейчас Екатерина Михайловна поняла, что ее дореволюционный Киев – был им.

Град-Златоглав, еще в конце 19 века состоящий из бесчисленных парящих в небесах золотых куполов, маленьких домиков, хаток и обширных пустот, на сломе веков, ознаменовавшемся властью Модерна, всего за пару десятилетий вырос в многоэтажный европейский Город – Третью столицу Империи. И во время последнего приступа строительной горячки вобрал в себя всю вероломную красоту цветочного, женского, «стебельного стиля».

Город ста церковей, Столица веры – стала истинной Столицей Ведьм, Домов в изящном новом стиле Модерн стало

больше церквей, и их крыши переросли купола...

И сейчас, шествуя по 21 веку, Катя могла лицезреть печальные итоги столетней войны между Небом и Землей.

В 30-е годы Киев лишился десятков церквей, в 50-е, под час второй мировой, утратил десятки современных домов. И в ее сердце было странное чувство, вместившееся в горькое слово «Зачем?». Зачем нужна была эта война?

Город-Модерн был почти уничтожен... Но и в примкнувшем к новой неженственной «Украине» здании в стиле барокко, воспевающим земного владыку, Катя вдруг углядела черты Модерна.

Женщин-русалок в венках из одолень-травы. Женщин в украинских бусах-намистах... Как умная жена, подстраивающаяся под мужа лишь для того, чтоб подчинить и поработить его, Модерн легко ложился под любой мужской и монархический стиль, чтоб вдруг выглянуть из-за барочных завитушек десятками хищных личиковвил.

«Итак, – принялась упражняться в модерновом чтении Катя, – что мы имеем? Барокко – патриархальный стиль, прославляющий монархов. Шесть дамочек в монистах и множество русалок с кувшинками. В Модерне все всегда сказано прямо, – напомнила себе она. – Нужно лишь не бояться прочесть... Начнем с того, что уже известно: женщины сделали революцию. То бишь за общим абрисом мужской власти (барокко) прячутся женщины (модерн).

Но в данном случае не женщины, а одна женщина – ше-

стикратное повторение одного лица – (столько же было маскарон Ахматовой на ее доме!) – наверняка имеет некий архиважный смысл...

Похоже, как и Ахматова, эта женщина жила в Киеве, может даже в этом вот доме на Николаевской улице, и сделала нечто...

Что?

Каштанов на здании нет, выходит, поступок свершен не в Киеве. Как и Великую Мать, эту женщину окружают вилы – русалки с кувшинками.

Одолень-трава – означает победа. Русалки – смерть, женские чары, заманивающие на погибель мужчин. Победа этой женщины как-то связана с водой (Вода? Реки, моря, лодки, корабли, моряки). Ну и конечно, с революцией...

Кто же она?»

* * *

– Долой рабство дома и кухни... Для новой, рожденной революцией женщины удовлетворить свою сексуальную потребность с первым понравившемся ей мужчиной будет так же легко и просто, как выпить стакан воды! – страстно изрекла нарком пропаганды и агитации всяя Украины.

И то, что примкнувший к дому с шестью маскаронами двухэтажный цирк Гиппо-палас в женском стиле Модерн стал трибуной самой сексуальной революционерки, наверня-

ка навело бы Катю на новые размышления. А один взгляд на Шурочку Коллонтай ответил бы на ее вопрос...

Короткостриженная, с задиристой прической, волнистыми волосами, моложавым энергичным лицом и белой шейей, украшенной украинским намистом. Облик секс-символа Октября резко контрастировал с бесформенными пролетарскими нарядами ее слушательниц – платье Коллонтай ладно облегло чудесную фигуру, движения, голос, слова были энергичными и почти завораживающими.

– Сексуальный акт – такая же естественная потребностью здорового организма, как утоление голода и жажды, – неистовствовала Шурочка. – Чем богаче личность, тем любовь многограннее, красивее, богаче, тем меньше места для узкого сексуализма. В будущем любовь будет разлита во всем. Любовь – творчество, выявление лучших сторон своего «я», дает удовлетворение. Любовь без возможности себя проявить – мука... Но мы, новые женщины, больше не желаем страдать!

Даша Чуб заплодировала первая. Тысячи людей, в основном молодых, заполнивших зал цирка, громогласно зарукоплескали вслед за ней. Выступавший перед товарищем Коллонтай первый соратник Ленина Лев Троцкий не смог высечь из публики и десятой части подобного энтузиазма.

– Правильно, правильно! – вскрикнула Даша. – Ну ведь правильно она говорит!.. Слушай, может, мы погорячились с Отменой?

– В новом обществе женщина отбросит устаревшую мораль и будет сама выбирать себе партнера. Отвергнет так называемую честь...

– Классная барышня, – кивнула Даша. – Я всегда говорила – что хорошего в этой чести? Раз с мужиком переспала – чеши на панель. Случайно забеременела – вешайся! Ушла от мужа – бросайся под поезд, как Анна Каренина. Потому что ты, видите ли, утратила честь.

– Еще наша землячка Изида Киевская говорила, – вскрикнула Шурочка, – что, обвиняя женщину в утрате ложной чести, буржуазное общество само толкало ее на панель. Или под поезд, как Анну Каренину. Изида Киевская – это храбрая женщина, первая выступила в борьбе за наши права. Теперь каждая из нас должна стать такой, как она. Мы поднимем ее знамя! Мне выпало счастье познакомиться с ней лично. Она пала в революционной борьбе...

Впервые за последние три часа Даша почувствовала, что совершенно протрезвела.

– Где я пала? – У пилотессы сделалось такое лицо, будто на голову ей упал кирпич. – Когда это она познакомилась с Изидой? – еле слышно спросила она, поворачиваясь к Акнир.

Ведьма быстро ткнула ее локтем в бок.

– Нет, я просто хочу знать! – повысила голос Чуб. – Я хочу познакомиться с ней и спросить... Я им что – Тарас Шевченко?

– Вы хотите познакомиться с товарищем Коллонтай? – вопрос прозвучал справа, и Чуб обернулась.

В соседнем кресле восседала рыжеволосая женщина в кожанке.

– Товарищ Роза, – представилась соседка по креслу.

Ее подбородок и шею прочертил кривоватый и длинный шрам. Но странным образом шрам не портил ее – скорее делал интересной, интригующей. Ее можно было назвать красивой. Но красота казалась несущественной, она привлекала иным – взглядом, темным, спокойным и властным. Таким же смотрела на мир Катерина Дображанская. Однако во взоре товарища Розы было что-то еще – трудноопределимое...

– Я могу познакомить вас с ней, – сказала она. – Товарищ Коллонтай проживает вместе со мной в гостинице «Континенталь». Это тут, рядом. Идемте, – рыжая встала.

Она вела себя как человек, привыкший повелевать. Но Даша, к чужим повелениям совсем непривыкшая, не сдвинулась с места.

– Мы подождем ее там. Там мы сможем поговорить с ней без всей этой толпы. Или вы хотите послушать еще? – снизошла до вопроса товарищ.

– Нет, пожалуй, – прислушалась к своим пожеланиям «павшая в борьбе». – Мне срочно нужно выпить. Там в гостинице есть бар или кафе?

– Еще какое! – отозвалась Акнир.

«Еще какое» кафе оказалось знаменитейшей киевской богемной кофейней «Х.Л.А.М.» – расшифровывающейся как «художники, литераторы, артисты, музыканты».

Даша Чуб с любопытством посмотрела на вывеску с лежащим человечком-Икаром и прочла надпись на фронтоне: «Войдя сюда, сними шляпу, может быть, здесь сидит Маяковский».

– Слушай, а что, он и правда там может сидеть? – возбудилась она. – Маме моей надпись понравилась бы. Я говорила, что у меня мать – маяковка? Всю жизнь изучала Маяковского... Тут водка есть?

– Только морковный чай, – не отрывая глаз от лежащего перед ним исчерченного строчками листа бумаги, отозвался крупноносый и золотоволосый молодой человек за столиком рядом. Сидевшая с ним некрасивая стриженная девушка в измазанной масляной краской робе недовольно шикнула на друга.

– Чай из морковки? – удивилась Чуб. – А разве морковку заваривают?

– Я достану вам водки, – непререкаемо сказала товарищ Роза. – Садитесь пока, – снова приказала она. – Сейчас я вернусь.

– Странная тетя, – Чуб уселась за стол у стены и в упор

посмотрела на Акнир. – Так, теперь быстро выкладывай, когда это я паду в борьбе? Я что, погибну, как Маша?

– Ты эмигрируешь, – сухо просветила ее ведьма. – Осенью 1917 уплывешь в США и попадешь там в больницу. Киевица не может жить без Города, – пояснила она, – не может и умереть... Это страшная мука. Ты надолго исчезла из виду. Тут тебя посчитали погибшей. Большевики провозгласили тебя павшей в борьбе. Тебе даже поставили памятник...

– Где? – заинтересовалась Чуб.

– На Царской площади.

– Так это я там стою? – вскинулась Даша. – А почему я совсем на себя не похожа? Почему у меня в руках ружье, а на лбу звезда? И где потом делся мой памятник?

– Его разрушили деникинцы.

– Вот сволочи! – обиделась Чуб. – А большевики – молодцы. Дизайн подкачал, но в целом приятно... А знаешь, – повертела она головой, – мне здесь даже нравится. Так весело. Так по нашему. Секс – вовсе не грех, как утверждает церковь. И нагота – не грех. И аборт. И женщина не должна заморачиваться из-за всякой там несчастной любви. И может, я и правда знакома с Коллонтай. Разве всех поклонниц упомнишь? Иначе почему она так здорово, правильно все говорит, будто...

– Получила в наследство Лиру амазонок. – Акнир улыбнулась. – Ты ж не закончила историю Леры.

– Я могу, – уверила Чуб. – Когда амазонки стали ведьма-

ми, Киевица Марина, которая вечно во всем виновата, перевезла Лиру в Киев. А десять столетий спустя другая Киевица, с дурацким именем, которого я не помню, отдала Лиру слепым...

– Персефона, – подсказала Акнир. – Родная сестра моей прабабушки Ольги. Ольга была против. И Персефона убила ее. Во всяком случае, так говорят...

– А Лиру нашла Анна Ахматова и стала писать стихи... И стала супер-пупер поэтом. В прошлой редакции... теперь суперовая я. Я ничего не забыла?

– Кроме самого главного. Лира вместе с твоей Анной Ахматовой и родила революцию...

– Разве?

– Как и обещала! – вернувшись, товарищ Роза поставила на стол два стакана и ловко наполнила их – по-видимому, заполучить в ХЛАМе бутылку водки было делом нелегким, но она справилась с ним. – Выпьем за знакомство!

– Давайте, – знакомиться с Коллонтай Даше уже не хотелось (хотелось продолжить начатый с Акнир разговор) и, опустошив стакан «за знакомство», Чуб принялась подыскивать предлог для немедленного его завершения. – О, – углядела она афишу на соседней стене, – спектакль Леся Курбаса... Класс. Пошли посмотрим. Еще успеем...

– Вы ведь Изида Киевская, – сказала женщина вдруг, проигнорировав Дашину реплику. Ее голос звучал повелительно. – Я вас сразу узнала. Со мной служила ваша соратница.

Бывшая княгиня Шаховская, первая военная летчица.

– Да она, – поджала зубы Изиды, – даже толком никогда не летала. Только романы в авиотряде крутила. А после...

– Знаю. Ее обвинили в шпионаже. Царь заменил ей смертную казнь на пожизненное. Теперь она с нами... Но она вам не чета! Я видела три ваших смертельных трюка. Не думала, что вы такая... молодая. Вы как Коллонтай. Говорят, в юности она выглядела старше своих лет, а в 35 стала казаться 30-летней. Знаете, сколько ей сейчас? 45 лет!

– Сколько?!

– А больше 25 не дашь, как и вам. Недаром ее ведьмой зовут. Вас тоже...

– А вас? – показала зубы Землепотрясная Даша.

– И меня, – рыжая товарищ засмеялась. Ей явно понравилась Дашина реплика. – Нас всех. И Женю, и Фиру, и Лару. Она даже родилась 1 мая на Вальпургиеву ночь. И такая красавица... Вы слышали, что именно Ларочка Райслер поднялась на крейсер «Аврора» и приказала дать залп к началу октябрьского восстания?

– Восстание начала... Ларочка Райслер? – Чуб опустила удивленное слово «какая-то».

– Вы ж ее знаете.

– Откуда?

– Она обожает ваши стихи. Говорит, они помогли ей прояснить смысл ее жизни. Она даже писала вам письма.

– Не знаю... Мне столько баб пишет. Я не читаю, – оше-

Петербурге... Не зря говорят: в стране только два настоящих революционера – товарищ Ленин и товарищ Коллонтай. Что б он без нее делал...

– И что бы он делал? – Даша помнила, что жена Ленина носила другую фамилию. Но что Ленин делал с Шурой за спиной у жены и делал ли что-то – так далеко ее исторические познания не распространялись.

– Ничего. Ничего без нее бы не вышло... Вы сами знаете, Шура тоже уважает ваши стихи. И товарищ Роза Землячка. А я...

Товарищ Роза №3 замолчала. На небольшой эстраде кофейни крупноносый молодой человек, вскользь просветивший Чуб по поводу морковного чая, как раз читал свое стихотворение:

*Словно темную воду, я пью помутившийся воздух.
Время вспахано плугом, и роза землю была.
В медленном водовороте тяжелье нежные розы,
Розы тяжесть и нежность в двойные венки заплела!*

– Поэты, – презрительно протянула товарищ Роза, – самый хлипкий из всех материалов. Можно сломать двумя пальцами. Хотите правду? За ваши стишки я б вас расстреляла как контру. Но вы ведь не поэтесса... Вы – авиатор! Я видела вас в небе. Вы – лучшая. Вы ничего не боитесь. Я всегда хотела быть такою, как вы... Понять, что вы чувствуете там, – она подняла палец вверх. – На вершок от смерти.

Вы хотели пойти в театр... Так приходите лучше сегодня ко мне. У меня – настоящий театр. Революционный! Вы увидите незабываемое зрелище. Придете?

– Так вы режиссер, – властные повадки товарища Розы разъяснились. – А красивые парни у вас там имеются?

– Для вас найдем самых красивых. Вы каких предпочитаете? Блондинов, брюнетов?

– Они у вас, верно, покладистые, – понимающе осклабилась Чуб.

– Покладистой не бывает, – проявила ответное понимание Роза. – А знаете, у меня в театре на стене висит ваш портрет. Если бы я не была большевичкой, я б сказала, что боготворю вас... Возьмите адрес, – женщина быстро написала на салфетке «Розы, 13». – Мне нужно идти. Я буду вас ждать. Вы поймете – мы с вами похожи...

Глава восемнадцатая, в которой гремит гром

Проходя сквозь площадь Льва Толстого, Катя помянула горьким вздохом отменный жилой дом Городецкого, лишившийся за столетие декора. Теперь № 25 стоял полуголый – мало отличимый от большинства безликих киевских зданий.

Киев лишился лица.

Свернув на Большую Васильковскую, г-жа Дображанская сделала еще три десятка шагов и, скользнув в хорошо известный ей по ХХІ веку антикварный салон «Модерн», оказалась прямо у цели – горделиво возвышавшегося у входа массивного символа сего заведения – дивана в стиле Модерн с высокой спинкой в виде каштановой короны.

– Екатерина Михайловна, – немедленно бросился к Кате директор салона Виктор Арнольдович, элегантно-седовласый, с холеным лицом, теплой улыбкой и прохладными глазами. – Как я рад вас видеть!..

На памяти Кати они расстались при весьма безрадостных обстоятельствах, но может ли она доверять своей памяти, Катерина больше не знала, потому предпочла не поднимать эту тему. Вдруг в числе иных изменений они видоизменили и это?

– Да-с, да-с, дорогая и драгоценнейшая наша покупатель-

ница, – усугубил антиквар свои заверения в совершеннейшем к Кате почтении.

Старорежимная речь его показалась Дображанской нелепо искусственной – как новые вещи, неумело подделывающиеся под старину.

– Есть несколько прелестных вещиц, как раз по вашему вкусу, – Виктор Арнольдович махнул рукой вправо.

Но Катя невольно взглянула налево, туда, где на полке шкафа-витрины возвышалась премилая лампа.

– О! Ар Нуво, – вкусно щелкнул языком директор, нисколько не расстроенный левизной Катиный взглядом. – Или, как говорят в Австрии и на западной Украине, Сецессион. Он же Югендштиль, Тиффани, стиль Либерти, – иностранные словечки сыпались из его рта леденцами – одно слаще другого (каждое равнялось очередному нулю в ценнике!). – Или просто Модерн. Конечно же, вы с вашим отменным чутьем не могли не заметить эту редчайшую вещь... Это Иосиф Маршак. Наш киевский Фаберже.

– Знаю. Я недавно почти такую купила. Еле дождалась, пока их начали выпускать...

– Вы ошибаетесь, – мягко промурчал директор, – это 1913 год.

– Ну да, ну да... – не стала спорить с ним Катя. – Пожалуй, возьму, для пары, – решительно подсластила атмосферу она, равнодушно скользнув взором по ценнику.

– Если вас интересует Маршак, позвольте показать вам

еще одну изящную штучку, – в руках директора словно по волшебству появилась атласная красная подушка, на коей возлежал серебряный кулон-модерн – сплетенный в символический узел серебряный чертополох, очень похожий на множество лепных завитков, виденных Катей сегодня.

– Беру, – Дображанская даже не стала спрашивать, сколько он стоит. Просто сгребла штучку с атласа, положила в нагрудный карман и перешла к делу. – Однако я пришла к вам не за этим. Меня интересует ваш диван.

– Но, драгоценнейшая Катерина Михайловна, – почти испуганно прожурчал директор, – ведь вам преотлично известно, что он не продается. Это, можно сказать, эмблема нашего заведения...

– Собственно, – успокоила его Катя, внимательно рассматривая изукрашенную каштанами спинку дивана, – меня интересует не приобретение. Скорее, его происхождение... Из того, как вы им дорожите, я позволила себе предположить, что он имеет для вас особую ценность.

– И вы не ошиблись! – возрадовался такому повороту директор. – Смею заверить, происхождение его прелюбопытное. Не далее чем вчера ко мне приезжали с телевидения, как раз по поводу этого предмета. В 1917 году диван этот изволил стоять в кабинете самого профессора Ивана Сикорского. Нашего киевского Фрейда...

– Фрейда? – не поняла параллели Катя.

– Ах да, у вас же нет детей, – сыскал ей оправданье Вик-

тор Арнольдович. – Иначе, я не сомневаюсь, вы бы не только знали, но и использовали методику нашего всемирно известного Нобелевского лауреата.

«Всемирно известного?.. Нобелевского лауреата?» – вновь переспросила Катя уже про себя.

– Вы говорите об Иване Алексеевиче – отце авиаконструктора? – уточнила она на всякий случай.

– Как приятно общаться с образованной дамой! А еще говорят, нынешние богатые люди не имеют ни знаний, ни вкуса. Не далее чем вчера я заверил журналистов, что все мои клиенты...

Директор принялся расточать витиеватые комплименты в адрес своих постоянных покупателей – чем дороже были покупки, тем слаще отзывы. И Кате, в секунду приобретшей две вещи от Маршака с выводком надутых нулей, досталось сласти больше всего. Но Дображанская не слушала.

«Вот оно как, – думала она. – Не было дела Бейлиса, не было позора, не было болезни. И вместо того, чтоб хворать, профессор написал перед смертью нечто великое... и премиальное. Забавно устроена жизнь».

– Позвольте вам кое-что показать, – прервала директора Дображанская, доставая из сумки фотографический снимок Анны. – Взгляните на этот портрет? Узнаете?

– Бог мой, – всплеснул руками Арнольдович, – это же он, наш красавец!

– Или очень похож...

– Нет, нет! – в безмерном возбуждении вскрикнул директор. – Фото несомненно сделано в кабинете Сикорского. Минуточку, – привычным жестом он сорвал с полки дивана-эмблемы книгу, открыл в заложенном месте. – Вот фотография профессора на нашем диване. Видите! – видимо, продемонстрировать близкое знакомство их символа с сидением киевского Фрейда было ему не в первой. – Вы видите? Сверху та же картина! А на ней те же птицы...

– И верно, – Катерина положила на соседнюю страницу черно-белое фото Ахматовой, склонилась над снимками.

Сложив руки на груди, белобородый профессор восседал на том же самом предмете интерьера – разве что чуть левее, так, что каштановая корона была не над головою, а сбоку. Но самое главное – в верхней части снимков профессора и поэтессы и впрямь красовалось одно и то же невзрачное и весьма прозаичное полотно с летящими утками.

«Профессор И. А. Сикорский в своем кабинете», – прочла Катя надпись под фото.

Г-жа Дображанская подняла придирчивые глаза на местный диван и сдержала сатирическую улыбку. Не было никаких сомнений, эмблема салона зря записалась в друзья к Сикорскому-старшему. Похож, да не он, – копия, сделанная лет на десять позже, быть может, уже в период НЭПа – каштановая корона грубее и меньше, полки расположены чуть иначе.

Но Катерина Михайловна не намеревалась крушить чудесный и хлебный миф сего заведения, тем паче, что имен-

но ложь помогла ей прознать правду, схватив ускользящий ахматовский хвост...

«В клинике психических эпидемий Сикорского занимаются дежавю. Не удивительно, что, как и мой Митя, Анна страдала этой «болезнью». Не могла не страдать – мы ж всю ее жизнь переписали!»

– Интересно, кто эта женщина? – полюбопытствовал директор, разглядывавший тем временем Катино фото.

– Поэтесса. Анна Ахматова.

– Видимо, не слишком известная. Я не слышал о ней.

– А Изиду Киевскую вы знаете?

– Помилуйте, Катерина Михайловна, – аж оскорбился директор, – кто же не знает Изиду Киевскую? Она наша гордость. Гордость Киева. Гордость страны...

Катины соболиные брови вразлет слились в одну линию:

– Вот и попробуй так Анну найти. Плохо дело, – вздохнула она.

– А вы не пробовали поискать в Интернете? Там сейчас чего только нет... «Юзай гугл», как изволит изъясняться мой сын.

– В Интернете? – оценила предложение Катя. – Как я забыла о нем... Вот чего там не хватает!

– Где?...

– Вы не позволите мне воспользоваться вашим компьютером?

– С моим превеликим удовольствием, – улыбнулся ди-

ректор дорогой покупательнице не менее дорогого Маршака-Фаберже и сделал приглашающий жест в сторону своего кабинета.

* * *

В Городе уже стемнело, когда Чуб и Акнир вышли на улицу Карла Маркса и спустились на Думскую-Советскую площадь. Крещатик озаряли скупые огни. Но окна кафе Семадени, напротив Думы, горели как прежде, и название кофейни было прежним, и это казалось странным.

На стене висел масштабный плакат. Женщина с воинственным лицом пронзала вилами зад убегающего белого генерала. Под картинкой была подпись:

«Не зарись, Деникин, на чужую землю!»

– Так тебе и надо.... Не хрен мой памятник гробить, – позлорадствовала Даша. – Бабы за меня отомстят...

Дашина гипсовая ипостась стояла вдалеке на фоне бывшего Царского сада.

– Неужели это я вдохновила? – сменила тон она. – Их всех? Я ведь даже не писала эти стихи...

– Ты читала их, – сказала Акнир. – И летала. Ты стала даже ярче Ахматовой. Стала их Богиней. Но дело не только в полетах, не только в стихах... дело в Лире амазонок. Она оказалась в мире слепых. И женщины почувствовали это.

Они подняли головы. Нам больше не нужны были ведьмацкие метлы – мы летали открыто на аэропланах. А когда грянул сентябрь – так амазонки открыто оседлали коней и взяли оружие...

– Октябрь грянул, – поправила Даша.

– Помнишь, когда Анна Ахматова нашла Лиру в Царском саду? – внезапно спросила Акнир.

– Зимой.

– В канун 1 января, – напомнила ведьма. – Под Новый год. По новому стилю 13-го... А когда Богров чуть не подстрелил Столыпина?

– Тоже на Новый год, но другой... 1 сентября 1911! – охнула Даша. – В день чертополоха.

– Мало кто знает, что Революция на Украине произошла на месяц раньше, чем в Питере. Еще в сентябре атаманша Маруся Никифорова свергла временных и установила в родном Запорожье власть большевиков. Знаешь, как она это сделала? Агитировала рабочих. Ее посадили в тюрьму. На следующий день все заводы в городе встали, все люди вышли на площади с лозунгом «Верните нам нашу Марусю». Бунт был столь тотальным, что правительство сбежало само. Смена власти произошла без единого выстрела. Впервые в истории Революцию сотворила Любовь.

– Вот это да! – открыла рот Даша.

– Так же, как и революцию в Питере. Ни одному агитатору не удавалось склонить на сторону большевиков моряков

Балтийского флота. Без их поддержки октябрьский переворот был невозможен. Тогда Ленин послал к ним красавицу Шуру Коллонтай. Она буквально влюбила матросов в себя, а заодно и в дело революции...

– Ух ты!...

– А кто уговорил Ленина сделать древний киевский праздник официальным коммунистическим праздником 8 марта? Наша Шура. Наследница древнего малороссийского рода Домонтовичей, дочь генерала из-под Чернигова. Кто спровоцировал небезызвестное тебе первое киевское восстание большевиков – киевская большевичка Евгения Бош. Раньше вы сватали парней и избивали мужчин, теперь киевлянка Роза Землячка, взявшая имя Матери-Земли, в свои сорок лет ежевечерне выбирала себе партнера на ночь из числа молодых красноармейцев. Она же перебила в Крыму сотни офицеров, топила их кораблями. Что это было, как не месть за истребленных в Крыму амазонок?

– Ты хочешь сказать, – приглушила голос Чуб, – что революцию сделали мы... украинские ведьмы?

– Слепые женщины. Они проснулись и вспомнили, в чем суть каждой из нас. Лира всегда вскрывает в нас истинную суть. И берет за то свою плату. Революция была кровавой...

– Революция амазонок.

– Знаешь, когда отмечают праздник бабьей святой Параскевы Пятницы?

– Праздник Макош?

– Между двумя главными пятницами года – 25 октября и 7 ноября.

– Революция по старому и новому стилю?! – едва не подпрыгнула Даша. – Ну ни фига себе праздничек Мамы отметили!..

Даша вновь посмотрела на плакат – несокрушимую даму, сражающуюся с грозными вилами в руках, и прикрыла глаза... перед взором пробежал кинофильм.

Красавица Шура звала матросов на бунт, красавица Райслер стреляла из Авроры, оповещая мир о начале октябрьской революции, которую атаманша Мария начала еще в сентябре... Бош вела на Киев войска и возглавляла первое советское правительство – став первой женщиной-главой со времен свергнутой с пьедестала Ольги. А над ними всеми парила тень Изида Киевской – кружила на аэроплане, высилась в виде памятника, царила в эфире в виде бередящих души стихов...

Но все эти имена – Шуры, Лары, Марии, Розы и, возможно, даже ее, Дашино, были затерты, забыты, известны одним знатокам, в отличие от мужских – Ленина, Троцкого, Сталина...

– Но почему нигде не сказано, что это все мы? Женщины? – спросила она.

– Знаешь, почему среди историков до сих пор ходит слух, будто атаманша Маруся была гермафродитом? Потому что им нужен член... Они до сих пор не могут поверить, что су-

щество без члена могло совершить революцию! Слепые не верят в ведьм, не верят в силу женщины, в силу природы. Красные признали женщину равной во всем. Первая женщина-космонавт, первая женщина-капитан, первый в мире закон о праве на аборт... Но они считали ее только соратницей. Они не поняли – мы просто использовали их. Они не сильно отличались от прежних мужей, которые считали, что женщина – некий декоративный предмет, вроде фикуса в углу, стоит себе там и не отсвечивает, красота архитектуры – просто изыски, а Великая Мать – милый пейзаж за окном, призванный улаживать их взоры. Но чем глупее, чем слабее, чем ничтожнее мы кажемся им, тем скорее мы победим.

– Чертополох, – сказала Даша и смутилась. – Но мы же не победим. Если мы закончим Отмену, Нового Матриархата не будет. Послушай, а вдруг твоя мать отказалась отменять революцию из-за этого? Она хотела, чтоб женщины были свободными...

– Я думала про это, – призналась Акнир. – Жаль, конечно, если Нового Матриархата не будет. Ужасно жалко. Но что теперь делать... Что бы ты сделала на моем месте, если бы речь шла о твоей матери?

– Не знаю... Но если бы я была на месте твоей мамы, я б точно предпочла умереть за свободу. И если б моя дочь помешала мне совершить этот подвиг, то я...

– Что? Говори...

Чуб осеклась.

Вниз по бывшей Институтской, а нынешней улицы 25 октября ехала телега, наполненная изуродованными мертвыми телами.

– Что это? – еле слышно сказала Чуб.

– Актеры театра Розы Шварц, – сказала Акнир. – К сожалению, это театр одной роли.

– Розы Шварц. Нашей Розы?

– Она чекистка. Самый страшный из киевских палачей...

– А княгиня Шаховская? Первая военная летчица?

– Работала следователем в киевском ЧК. Странно, что ты еще удивляешься. Я ж объяснила тебе.

Чуб огляделась. Ей вдруг показалась, что все люди ослепли, или напротив – люди остались нормальными, а страшное видение предстало лишь им двоим, скovyрнувшимся с ума. Редкие прохожие не обращали на трупы никакого внимания, как будто мимо ехал трамвай или машина с молоком.

– Я думала, она режиссер-постановщик. А она приглашала меня...

– Посмотреть на пытки. Весьма распространенное по нынешним временам развлечение. Лучшее шоу сезона. Она не врала, у них там целый театр, со сценой, с бархатными креслами. А на сцене весь вечер кромсают людей...

– Она думала, мне это понравится?

– Ведь ты – ее кумир.

Телега проехала мимо них. Глаза Чуб прилипли к обнаженной женской руке, красивой, с тонкими запястьями – ле-

жащая на спине, поверх других мертвых тел, женщина казалась спящей и казалась знакомой. А секунду спустя Даша узнала ее – красавицу, сидевшую с ними тут же в кофейне Семадени в 1917 году, поднимавшую шампанское за революцию... за новые времена.

Неужели это и правда она?

Второй руки у красавицы не было. На ее груди не было кожи.

– Пойдем, – мертвенно сказала Чуб.

– Куда?

– В ее долбаный театр. Сейчас я покажу ей настоящее шоу. Сейчас я покажу, кому они поставили памятник!

– Пойми, – ведьма отпрыгнула в сторону, – нужно ликвидировать не Розы, 13, а вот эту дату, – Акнир показала на название улицы:

25 октября.

– Уйди от меня! Ты должна была сказать сразу! – зарычала Чуб, бросаясь к Акнир. – Я их урою... Разорву на куски. Идем! – Даша схватила ведьму за руку, потаенное золото, обнимающее руку Акнир, блеснуло из-под рукава. Девчонка попыталась вырвать запястье – но не успела.

Грянул гром. Небо разрезали две крестообразные молнии. Одна из них ударила в гипсовую статую женщины с ружьем, разорвав ее на сотни кусков. Сзади послышался воющий человеческий крик.

Дальше была темнота – красная, наполненная множе-

ством криков, точно Даша попала прямо в ад, где стоял памятник Дьяволу, бывшему на поверку рогатой богиней Макош.

* * *

Компьютер антиквара был под стать его ретрокабинету. Экран оправлен в корпус из красного дерева, на вырезанной из того же благородного материала клавиатуре сияли золоченые буквы. Подобный изыск наверняка влетел Арнольдовичу в копеечку и натолкнул Катю на мысль ценой в миллион...

– Вы делали эту вещь на заказ? Здесь, у нас? Я могу узнать имя мастера? Желая одну безделицу соорудить... То есть хочу сделать одну цацку.

– Я весь к вашим услугам. Сейчас дам вам визиточку, – засуетился директор.

Катя нашла поисковую систему, ввела имя «Анна Ахматова», нажала на «поиск». Результат был почти нулевой. Пара однофамильцев: «Женя Ахматов – замечательный фотограф...», «Паша Ахматов на фестивале зимнего экстрима...»

Затем, больше из пустого любопытства, Катерина Михайловна набрала имя «Иван Сикорский». Гугл сразу выбросил множество ссылок. «Иван Сикорский. Википедия», «Иван Сикорский, биография», «Иван Сикорский, нобелевский ла-

уреат, детская психология...»

Взгляд зацепился за одну:

«Одной из жертв стал всемирно известный психиатр Сикорский. Страшная смерть... в доме на Садовой, 5, или Катерининской, 13...»

Катерининская, 13 – дом с чертополохом и дивными розами, уже исчезнувший с лица Киева, навеки утратившего свое современное лицо.

Дображанская оживила ссылку. Но «новое окно» не спешило заполняться информацией. Непонятно почему, Катя занервничала, положила руку на грудь. Отчего ей так беспокойно?

– А ведь наш диван – не ненастоящий. Реплика. Он просто похож. Он никогда не стоял у Сикорского.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.